

Наталья Колотилина

д. Кашино,
Московская обл.

Тайна

Поэма

Часть I

Далёкий город, пальмы, берег моря,
Акаций белых сладкий аромат,
В цвету леса на склонах плоскогорья,
А там, в горах, студёный водопад.

Там вместе с жарким солнцем, сердцу вторя,
Поют о счастье, будто нет невзгод,
И в небосвод окрашенное море,
И в море отражённый небосвод.

Во мне живут картины южной ночи
И раскалённый опустевший пляж.
Тогда любила я, не зная, впрочем,
Что Вас любить нельзя: ведь Вы – мираж!

Мерещилось, что счастье будет вечно,
Мы берегом в закате рядом шли.
Прибой о камни бился так беспечно,
Что близким то казалось, что вдали.

И только верная подруга –
Свидетель, слушатель, судья,
Из будней замкнутого круга
Нет-нет и выдернет меня.

– Ты тайны любишь? – Безусловно!
В них всё: интрига, страсть, герой.
Одна живёт во мне неволью...
– О! Я молю тебя, открой!

– Тогда клянись молчаньем вечным,
Ведь не поймут меня ханжи.
– Клянусь молчать я бесконечно!
Но, тайну, тайну расскажи!

– Ну вот, жила во мне, ещё девчонке,
Одна заветная мечта:
«Лететь» в короткой амазонке,
Взнуздав гнедого скакуна!

Чтоб волосы, краснее меди,
Сияли солнцем на ветру,
А после гордо шла б, как леди,
Под кипарисами к шатру.

Под балдахинном стол накрытый,
Блестят курильницы огнём.
И кожа смуглая омыта
Благоуханным имбирём.

На мне туника тоньше газа,
Сандали с пряжкой у колен,
У ног – вино и фруктов ваза,
На голове венок камней.

А вот дворцовая терраса.
Гостей собралось так много!
Рабы у входа чёрной расы
Торжественно глядят и строго.

Кифары струны зазвучали,
И в танце девушка взвилась.
Поэты рифмы расплескали,
А где-то песня полилась.

Приятно время тут проводят
Философ, воин и поэт,
Здесь споры важные заводят,
Художник ставит свой мольберт.

Здесь дев прекрасных, будто нимфы,
Веселье, музыка пленят.
Их смех залиvistый и рифмы
Гостей без выпивки пьянят.

Они прелестны! Только всё же
Я всех изысканней и строже.
А то вдруг смелости полна,
Экстравагантна и вольна.

В хитоне, словно из тумана,
Из нитей солнца и огня,
Я так пленительна, желанна,
Что многие хотят меня.

Среди признаний, липких взглядов,
Уже пресытило мне быть!
И в вихре пламенного танца
Пытаюсь скуку погасить.

Вот, будто супер-угощенье,
Среди кувшинов на столе,
Как страстный символ обольщенья,
Стою я с розами в руке.

За мной пытливо наблюдает
В сединах воин-удалец.
И тонки сети расставляю
Я как искуснейший ловец.

Я слышу шёпот вожде́лённый –
За ночь мою уж торг идёт.
Но мой избранник восхищённый,
Через толпу ко мне идёт.

Его манеры, как у барса:
Спокоен, ловок, зоркий взгляд.
Лукаво розы я бросаю!
Но он их ловит все подряд.

За ночь со мной горсть изумрудов
Мне на ладонь кладёт в ответ.
Дрожит в желанье мускул груди.
Ему соперников здесь нет!

И вот я в трепетном волненье,
Перед глазами всё плывёт!
А он целует в умиление
И на руках меня несёт.

Несёт вдоль кромки океана
(Над головой – алмазы звёзд!)
Под сень могучего платана,
Уйти в забвенье в царстве грёз.

Нас, как античные скульптуры,
Волшебный свет луны объял.
И кожу шёлковой фактуры
Любовник пылкий целовал!

Мы, как Адонис и Венера,
Со скал ныряли в бездну волн!
Затем в любви не знали меры,
Лишь раздавался страсти стон.

...Настал рассвет. И мы расстались.
На нить нанизан изумруд ...
Увы! Мы больше не встречались.
Призвал героя ратный труд.

Только помню густой аромат,
От акаций, магнолий и роз,
Милых глаз твоих чёрный агат,
И слова, как любовный наркоз,

И дыхание нежной волны,
И таинственный шорох песка,
И загадочный облик луны,
И цветок в волосах у виска,

И ласкающий шёпот чинар,
Звон цикад до утра в темноте,
И далёкие звуки кифар,
Блики звёзд, как огни, на воде.

Помню радость и трепет сердец,
И бессмыслицу сладких бесед,
И зарю над горой, как венец,
И несбыточных планов букет.

Помню ночи прощальной привет,
Слёз ручей, что сдержать не смогли.
Помню всё! Всё оставило след,
Хоть не дни, а года утекли.

Часть 2

От зноя воздух в этот день
Был раскалён так, что искрился.
Усталая ложилась тень
От разморённых кипарисов.

И поднималась в небо пыль
Тетриппой – дивной колесницей.
И сказкою казалась быть
Об амазонке и царице.

Под солнцем отливал песок
У горизонта, словно море.
Дорога спряталась в лесок
Из пальм и кустиков магнолий.

Но вот деревья расступились,
Раскрыв пред взорами храм Net,
И с колесницей сразу слились
Сухие песни ветра Set.

Конец пути почуяв быстрый,
Рванулись кони веселей.
И шеи вскинули игристо
В рысистой поступи своей.

Стоял храм в парке на платформе,
Колонн массивные ряды
Из камня, стиснутого в формы,
Смотрелись в зеркало воды.

Вокруг бесчисленные боги
Несли охрану у дверей:
От человека – стан и ноги,
Обличье ж – птичье и зверей.

А стены храма отрешали
От жизни, смерти и веков,
И суеверный страх внушали
Скульптуры, фрески тех богов:

Полушакал и полульвица,
Полубаран и полукот,
И изваянье мужептицы,
Полубыка священный род.

Здесь анфилады множеств залов
И коридоров полумрак,
Святыниц мудрости завалы
И подземелий мёртвый страх.

Ступени к храму так стоптали
Простолюдины и жрецы,
Что камень лестницы стесали!..
К ней подскакали жеребцы.

Тетриппой ловко управляя,
Остановила я коней.
И, шёлком голову скрывая,
Легко прошла среди людей

Туда, где портик колоннадой
В жару бросал на камни тень.
Я, как условились недавно,
Вошла в его немую сень.

Казалось, грозное молчанье
Храм бережно века хранил.
Вдруг старец древний, величавый
Навстречу мне врата открыл.

Одежды длинные льняные
Одеты были на него.
А волосы, как снег, седые,
Но взгляд – острее, чем копьё.

Меня повёл он внутрь храма
Через проход, как бы тайком,
Где факел в нише, словно в раме,
Неяркий свет бросал кругом.

Пройдя залитый солнцем дворик,
Вошли мы в боковую дверь.
Здесь он творил – мудрец, историк.
Свет падал сверху через щель:

Такие узкие оконца,
Иль в потолке, или в стене,
Не пропускающие солнца
И не дающие теней.

Здесь ящики полны реликвий,
Лежали свитки, карты звёзд.
Тут знания мира и религий
Пергамент и папирус нёс.

Со мною старец вёл беседы
О смысле жизни и мирах,
О зле, добре, любви, легендах,
О культах, вере и богах.

Он говорил, что верить можно
Во что угодно, но когда
Мораль, закон вплетутся тоже,
Взойдёт религия тогда.

Но после веру подменяет
Лишь толкованье мудрецов,
А праведность им заменяют
Обряды пышные жрецов.

– Отец! Не зря ль твои старанья?
Я не сильна, не так умна.
Ты открываешь эти знанья,
Но я ли их познать должна?

– Ты служишь Эросу, а это –
Вся сила солнца и луны.
Вокруг тебя всегда поэты,
Искусства люди и войны.

Ты – амазонка, но на деле
Ты не убийца, лишь в седле
Ты их искусством овладела
Езды и танцам на коне.

Твои слова, беседы, речи
Войдут в легенды и стихи.
Я посвящу тебя! До встречи! –
Жрец вдруг исчез, сказав: «Здесь жди!»

Перед обрядом посвященья
Стою, как статуя, одна.
И слышу голос ниоткуда:
– Сейчас разденься донага.

Рассказывать я вам не стану
Про испытанья, срок – большой:
Все 9 дней я непрестанно
Страдала телом и душой.

Лишь помню танец жриц разврата
И жженье масла меж грудей,
Вкус зелья с терпким ароматом,
Что разжигал огонь страстей;

Про барабанов жуткий грохот,
Курильниц чад и смол нагар
И плач в экстазе; чей-то хохот
До исступленья, как угар;

Про царство чёрное Аида,
Рычанье, лязг зубов зверей;
(На помощь я саму Исиду,
Звала и рвалась из цепей!);

Про камни голые и холод,
Про ночи вечные без дня,
Про размышления и голод,
Про одиночество без сна.

Хоть тело билось то в ознобе,
А то горело, как в огне,
Но я не чувствовала злобы –
Покой и блажь пришли ко мне.

Я поняла, что власть, богатство,
Всё, чем при жизни дорожат,
Всё так ничтожно, всё – бахвальство.
Пред тайной смерти все дрожат.

Когда глядела в бездну ночи
На звёзды, не смыкая глаз,
Я вспоминала точка в точку,
Что старца мне поведал глас.

Он говорил: Великий Разум
Вселенную давно создал
Из Хаоса, Эфира, Время.
Ещё про орфиков сказал:

Ученье это отвергает
То представленье мудрецов,
Что жизнь, как круг, где процветают
Цари, жрецы и власть богов.

Ведь в колесе – неотвратимость
Судьбы и жизни в сих кругах,
Спирали ж смысл – необозримость:
Дух, будущность в своих руках.

А души умерших народов
Живут в других, N лет спустя,
Всё улучшаясь род от роду,
Всё совершенствуя себя.

И значит, с царством Аида
Любой расстанется опять,
Как шёл Орфей за Эвридикой,
Её на землю вызволять.

И лгут служители религий,
Что изначален Бог-Отец.
О нет! Великая Богиня
Была царицею сердец.

Лишь возвеличие мужчины
На троны божьи и царей
И стало главною причиной
Войн, славы, зависти, резней.

И в культах, как их воцарили,
Бессмертья жажда на века
И в Сирии, и даже в Риме,
В Египте, в Персии видна.

Так дух мужской скрыл изначальный
Гармоний полный мир любви.
Что свойствен женскому началу,
И до сих пор в вражде они.

Богиня ж Мать так многолика,
Чтобы любить, учить и знать.
Она и истина, и мудрость,
И земледелица, и мать.

Моё ж предназначенье, роль –
Быть покровительницей-Музой,
Чтоб вдохновенья исподволь
Давать чарующие узы,

Людей вести, даруя знанья,
И, наставляя, утешать.
И, от рутины отвлекая,
Богов законы воспевать...

Омыта травами, одета,
Я вновь стою перед жрецом.
На голове венки и лента,
На палец мне он дал кольцо

Из электрона с гиацинтом,
На плоском камне – странный знак.

Старик сказал: – Посвящена ты!
А символ власти – этот знак.

И, что не встретилось бы в жизни,
Ты не ступай на чёрный путь,
И отврати от всех коллизий
Других людей. Счастливой будь!

И на колени я упала
Перед учителем своим.
И жадно руку целовала,
Что гладила власы мои.

Простившись, к входу подошла я
По лестнице пилона вниз,
Спокойная, совсем другая,
Хоть слёзы всё же полились.

Меня ждала вблизи ступеней
Служанка, чёрная как ночь.
Мы обнялись как сестры с нею.
И кони нас помчали прочь!

А годы шли! И я выросла.
Жизнь закружила как юла.
Но в глубине души я млела,
Хоть внешне сдержана была.

И вот теперь, когда взрослою,
Я вспоминаю лишь во сне
О том, что в юности горело,
А в детстве грезилось в мечте.

Что было правдой, а что – ложью,
Нельзя теперь определить.
Но тайна мечется тревожно
И просит память не забыть!

